

N 16 1996

САМИЗДАТ ВЕКА: ЛЕОНИД ЧЕРТКОВ

2. ГРУППА ЧЕРТКОВА

2.2. ЛЕОНИД ЧЕРТКОВ

Самой известной тогда личностью, самым популярным был Леонид Чертков. "Этапной для компании стала поэма Черткова "Итоги" (1954), - пишет Владислав Кулаков. Лирический герой появляется уже без романтической маски, действие переносится на московские ночные улицы и в пропахшие мочью подворотни, "к// бетонной стойке последнего бара//, к// обледеневшей блевоте" у вытрезвителя и даже в общественный туалет:

Дробно бьют о простыни кафи
Струйки терпкой и дымной мочи,
И плафоны, что хлором пропахли,
В сумрак скучно цедят лучи.

Композиционный и эмоциональный центр поэмы - апокалиптические видения грядущей и "желанной" войны... И навязчивый мотив расстрела:

По тропинке, мочью простроченной рыжей
Поведут и поставят к холодной стене.

Андрей Сергеев вспоминает: "... И Чертков на короткий срок стал знаменитым поэтом коктейль-холла - достаточно громко и широко, и достаточно герметично: как имели возможность потом убедиться, текст поэмы не дошел до властей."

Тем не менее в 1957 году Чертков был арестован органами КГБ, видимо, его апокалиптические предчувствия в стихах кого-то там стали сильно раздражать.

За антисоветскую пропаганду, считай, за свои стихи, он получил пять лет и отсидел весь срок, как говорится, из звонка до звонка. Когда он снова появился в Москве, говорят, он несколько погас.

Андрей Сергеев замечает, что Чертков, который был сгустком энергии, вышел из лагеря совершенно сломленным человеком. О стихах, как я понимаю, уже речи не было.

Через некоторое время Чертков эмигрировал и живет теперь, как я слышал, в Германии. Преподавал в европейских университетах, издал за свой счет книжку стихотворений.

ГЕНРИХ САПГИР

* * *

Солнце - как сохнет калинnyй цвет,
Да лебеда дорога, -
А пойду, пойду по молочной росе
По кисельные ровные берега.

За морями же земли великие есть,
А путь туда - по версте до версты,
Через поле вдоль, а там и не сесть,
Наждаком по душе заскребут кусты.

И солдаткой рябина прядает пыль,
Тараканы спят и плетни молчат,
И не пискнет дверь, не дохнет
пустырь -
Ты сюда забрел не в свой листопад.

Там не за горою страна Свят-свят,
Там раздолье - грех, и тишь по
утрам,
И куда ни плюнь - все ведет назад,
И малинник тухо кивнет полям.

Пусть пропашет стон полосу беды,
Ночь - она уйдет, и луна соврет,
Поперек тебе - струна борозды,
Лучше бы тебе не заходить вперед.

Лучше по утрам не раздернуть штор,
А заснуть еще да и встать иным.
Лучше - синева в облаков раствор,
И над крышей снега - розовый дым.

1954

* * *

В конце зимы здесь был задуман
нами дом.

Где водоносом град с рассветом
постучится

И солнце к полднику оранжевым
 пятном
Стечет с угла двери к ногам, на
половицу.

Ты вынесла в тазу на улицу закат,
И подчинясь судьбы испытанному
зову,
С дороги вечером в село пришел
солдат -
Взять у хозяев в долг до сумерек
подкову.

Вонзен закатом в пень сияющий
распор,
И пятый океан отпрянул в наши сети,
И на прощание случайный спутник с
гор
Оттер шершавою рукою с уха ветер.

Нам - водоросли в дождь в
солнцевороте моря,
Нам - видеть сквозь туман очнувшийся
маяк,
Гористов под горой, разучивавших
зорю,
Нам флюгер бил крылом, как будто
веял мак.

А козы в пропасти спускались по
отрогам
За редкостной травой, которой ныне
нет,
Которую свели столбами и дорогой -
С годами навсегда утраченный секрет.

О ДРОВАХ

Когда утро колотится в дряблые окна
И бумагой залечены вывихи рам,-
Неужели я буду бездействием сохнуть
Или буду опять досаждать докторам.

Ведь сегодня - предельное время суток
День, когда к топору примерзает
язык,-

Я по звонкой земле проложил
первопуток,
Налегке, оттого, что к погоде привык.

Я прошел через сени, прошибые
стужей,
Взял фонарь и заправил обломком
свечи,
И к сараю пришел по заклеенным
лужам,
И дышал на ладонь, выбирая ключи.

От мороза топор показался мне
жестким,
А ключи на руке - как снежинки легки,
И я взял к потолку прислоненные
доски

И из клети холодные взял чурбаки.

Я работу начал до петушьей побудки,
А опомнился разве часу во втором,
Когда желтые брусья, тугие, как губки,
Я рубил и гвоздил, и щипал топором.

Голове было тесно под мякотью кепки,
Но зато я работал, как в кузнице мех,
И душистая заваль дымящейся щепки
Освещала затаявший жеваный снег.

Узкий двор был дровами забит и
очищен,
Лишь звенела щепа на бетонном полу,
А когда я об угол разнес топорище,
Я достал из-за бревен косую пилу.

А когда я устал от разбоя лесного,
Когда был перекошен поленьев косяк,
Брося сплишившийся след на приступке
тесовой,
Я с дровами по лесенке лез на чердак.

Я бревенчатым поясом выстроил
кладку,
Черной капелью снега обвисла сосна,-
И ушел, чтобы боль выводить без
остатка
Лошадиными дозами крепкого сна.

1956

Я на вокзале был задержан за рукав,
И видимо тогда, - не глаз хороших
ради,-
Маховики властей в движении узнав,
В локомобиле снов я сплыл по
эстакаде.

И вот я чувствую себя на корабле,-
Где в сферах - шумы птиц, матросский
холод платья,
И шествуют в стенах глухонемые
братья,-
Летит, летит в простор громада на
руле.

1957

КРУГОВАЯ ПОРУКА

Река вела тропу по кочкам и камням,-
Сквозь пораженный лес, воронки
огибая,
Мы шли к востоку, путь условно
пролагая
По гаригна коре и вывернутым пням.
Мы думали, что разыскать не трудно
Останки поселений в здешних пущах,
Их нанести на карту и попутно
Собрать гербарий трав
дикорастущих...

Новехонький забор делил поляну,
У проходной, пристроенной снаружи,
Ночной туман на глаз рассеял лужи,-
К нам выступил хозяин из тумана.
Он был непрочно отвлечься на досуге,

Всего три дня, как выслали соседа,-
И выбивая трубку для беседы,
Он излагал историю округи.
За месяц устарели ваши карты,-
Дол перекрыт правительственной

трассой,

Проектировщики
невиданного класса
По всей стране
планируют стандарты".

И нас напутствовал на
лучшую погоду,-

А мы уже брели по даровому
следу,-

И сделав крюк в четыре мили
ходу,

Мы подошли к имению соседа.
Тот говорил, окидывая весь,
Словно, как колышки палатки
размешая:

"Последние лет тридцать семь
мы здесь

И дети наши никуда не
выезжают,

Мы с Божьей помощью
живем".

Старик, он был приветливее
всех,

И обернувшись, он указал
туда, где жил его сосед,-

За элеватором и спущенным
ручьем.

Нас вывел через двор и здесь
заметил:

"А что нашли - то отдали
мальчишке".

И за стеной ему петух ответил.
Мы знали все из популярной
книжки.

...Ну и сосед! Я потянул
звонок,

И нам в ответ уже хрюпела
свора,

Мы видели его за кольями
забора,-

Он покривил приветливо лицо
И выстрелил. И тем зарядом
соли

Прикончил молодое деревцо.

...Что ж, мы уносим образцы
сухих растений.

Материалы для занятий по
ночам...

Им для чего истлевшие
останки татарами поставленных
строений,-

Их скорчевали с пнями и
малиной и выжгли по печам.

Дрезина шла. Из леса
доносилось дыханье
коллективной лесопилки,

И топоры свербили на юру,
Целебную кору слагали на
носилки.

Кто говорит, что мы пришли
не по добру?

А бот уже стучал у волнолома,
И дед, запутав палец в бороде,
Сказал: "Напрасно
попробовал залома,
Здесь солят как нигде".

1956

* * *

Неустранима смерть бойца-
мотоциклиста,
Когда он сбит с пути, - и ветра
коридор,
Наполненный его энергией
лучистой,-

Зовет размыть себя о
горизонта мол.

Он отдает себя в бездумном
упоении,-

Через него течет, прозрачна и
легка,

Сопутствуя в его безвыходном
стремлении,

Неотвратимых звезд гудящая
река.

Он вылетит в нее,
распластывая руки,-

Где поворот шоссе штурмами
оголен,-

И разрешив себя в
неизгладимой муке,

Он закричит сквозь
сон, - мечтой испепелен.

1960

5

Сергей Осымачкин. Из серии "Разговоры ни о чем". 1995-1996.